

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРИНУЖДЕНИЕ К СВОБОДЕ

О глобализации сегодня не пишет только две категории авторов: те, кто принципиально оригинальничает, и те, кто просто совсем ничего не пишет. Благо тема и остроактуальна, и исключительно полемична. Чаще всего предметом обсуждения становятся проблемы, которые связаны с потенциальными ответами на вызовы глобализации: какими они должны и могут быть, насколько мы способны реализовать должное и в какой мере возможности отвечают нашим целям... Однако есть и другой род проблем, которые полностью определяются самим существованием вызовов. Эти проблемы в большей степени объективированы и затрагивают не столько структуры развития, сколько основания социальной реальности. Значит, для понимания динамики общественных процессов они не менее важны. К числу таких проблем относится, в частности, и соотношение глобализации со свободой, говоря языком более эмоциональным, вопрос о судьбах свободы в глобализирующемся мире.

И событийно (в движении антиглобализма), и во многих работах социальных философов представление о глобализации часто связывается с угрозой – более или менее явно выраженной, частной или всеобъемлющей, осознанной или подспудной – угрозой навязывания внешней воли, унификации и разрушения многообразия, утраты самобытности и разносторонней автономии. Поскольку свобода состоит в действии на основе собственных целей, а названные аспекты как раз указывают на невозможность, безрезультатность или бесцельность самостоятельного действия, то, очевидно, глобализация выглядит как фундаментальная угроза свободе. Притом общепринятой является безусловная ценность свободы, ее имманентная связь с природой человеческого бытия, ее принципиальная значимость для развития общества. Попробуем вскрыть все факторы, составляющие образ угрозы, и попытаемся ответить на простой вопрос – так ли это по сути, противоречит ли глобализация свободе?

И исторически, и логически первенство среди аспектов глобализации принадлежит экономике. В основе экономической глобализации лежит политика неолиберализма, ведущая идея которого – интенсификация и всемерное распространение свободного рынка, не только экстенсивно, в международном масштабе, но и интенсивно – на все сферы жизни общества. Именно поэтому срок глобализационных процессов отсчитывается не от рубежа XIX-XX веков, когда создавались первые транснациональные корпорации, а с последнего десятилетия XX века. Экономическая свобода, составлявшая один из фундаментальных компонентов либерализма, всегда означала прежде всего обеспечение

максимальной свободы предпринимательства. Классики либерализма, от Милля до Хайека и Фридмана, много писали о сути экономической свободы, которая представлялась (и является до сих пор) преимущественно трехкомпонентной системой, в ее основе в первую очередь конкуренция, затем выгода для себя и социальная польза. Между этими тремя началами прослеживается закономерная существенная взаимная детерминация, то есть, например, не может быть выгоды предпринимателя за рамками конкурентных отношений, нельзя участвовать в конкуренции, не принося пользы обществу, и так далее. Однако в основе принципов деятельности МВФ, Всемирного банка, ВТО и других организаций (а именно их деятельность представляет собой формы глобализации, то есть выхода экономических связей поверх национальных границ) лежит новая интерпретация этих идей, весьма отличная от классической. Соответствующая экономическая политика требует прежде всего полного отказа от протекционизма, который рассматривается как главная причина неэффективности экономики и препятствие для фактического экономического роста. Однако что такое отказ от протекционизма для какого бы то ни было экономического отношения? Протекционистские меры всегда связаны с выделением определенных культурно-историческим контекстом собственных ценностей, сохранение или достижение которых является собственной целью. С этой точки зрения протекционизм – проявление предпринимательской свободы, только не частного экономического субъекта, а государства как организатора конкуренции. Однако, хочу напомнить, что именно установлением ценностных и целевых ориентиров, то есть организацией рынка, ограничивают роль государства классики теорий экономической свободы. Протекционизм как форма защиты собственной (национальной в данном случае) выгоды – естественная составляющая конкуренции. Форма явления, таким образом, состоит в том, что глобализационные процессы требуют ограничения протекционизма (или полного отказа от него). Содержание же его – трансляция ценностей и целей экономической (предпринимательской) деятельности с международного, наднационального, уровня на уровень частных хозяйствующих субъектов. Это значит, что повышение открытости экономики меняет одновременно ее ключевые регулирующие факторы с внутренних на внешние. В этом смысле, безусловно, глобализация противоречит национальной экономической свободе... но одновременно утверждается и возрастает качество свободы в собственно частной конкуренции. То есть в этом первом аспекте мы видим, что покушение на свободу уравнивается ее продвижением.

Социально-политическая глобализация опирается на формирование консолидированной политики ведущих государств (и международных организаций – во главе с ООН) в области ценностей человеческого развития. В последнее десятилетие стало очевидно, что экспансия

соответствующих ценностей, подавляющее большинство которых происходит из либеральной идеологии, осуществляется часто насильственными путями.

Если раньше утверждение либеральных ценностей, а затем и расширение областей их господства происходило тремя основными способами (путь «открытия», предполагающий выработку внутреннего содержания ценностей, «миссионерский» путь, в ходе которого осуществлялась трансляция ценностей наряду с продвинутыми производственными, экономическими и социальными формами, и путь интеллектуальной конкуренции, где сопоставляются между собой разные ценностные иерархии), то реалии современного мира все чаще демонстрируют нам новый, четвертый путь экспансии: конкурентные ценности, соответствующие им социальные структуры и даже их носители различными способами подавляются с тем, чтобы на очищенной от плевел почве посеять отборные зерна любви к свободе, уважения к человеческой личности и приверженности демократическим правовым основам. Мир уже устал удивляться парадоксальному шествию по этому пути стран и политических деятелей, не только искренне преданных либеральной идее, но и традиционно являющихся ее символами (причем не только в собственных глазах).

Интересно, что выразители идеологии, у истоков которой стояли хрестоматийные афоризмы о готовности отдать жизнь за право противника высказывать свои убеждения и о равных правах на выражение своего мнения одного человека и всего остального человечества, - выразители именно этой идеологии отказываются от ее коренных принципов (невмешательства, ненасилия, равноценности частных волей) во имя фактического уничтожения тех людей и социальных сил, которые враждебны ведущим идеям и ценностям либерализма. При помощи насилия, в том числе в его крайней форме – войны, предполагается насаждать не что иное, как социальный прогресс, ориентированный на абсолютность свободы.

Парадокс явления состоит в том, что эта система ценностей ориентирована на свободу, однако объективно распространяется как подавление. В то же время очевидно, что подлинная свобода (свобода как преодоление зависимости, свобода как реализация субъективного идеала) может быть только результатом собственного деятельного усилия, духовного творчества. В этом смысле вообще никого нельзя сделать свободным, и уж тем более это невозможно против его воли, путем насилия.

В ценностном аспекте, таким образом, глобализация выступает как выраженное принуждение, и поэтому угрожает самому смыслу свободы.

Глобализация представляет собой формирование динамической системы с генерализованными закономерностями и правилами и в силу этого требует также возникновения генерализованных идейных форм,

обобщаемых, сопоставимых, взаимодействующих смыслов. Примеров таких идейных форм может быть много: это и закрепление статуса безусловности за общечеловеческими ценностями, и утверждение идеи ненасилия, и признание прав человека. Однако среди этих смыслов есть и спорные, в частности, глубокая меркантилизация стратегии человеческой жизни, утверждаемая неолиберализмом, возведение системы отношений потребления в ранг основного критерия социального прогресса, другие моменты, характерные для ценностных обоснований современного общества. От Макинтайра и Роулза до Фукуямы и Хантингтона много написано о трансформациях смыслов и ценностей человеческого бытия. Даже самый пристрастный подход не позволит нам обнаружить среди новых смыслов и ценностей таких, которые сами по себе угрожали бы свободе. Обобщенно можно было бы сказать, что многие из традиционных ценностей просто утрачивают безусловный приоритет. В свое время индивидуальная свобода человека была истолкована идеологами Просвещения (в наиболее выраженной форме у Юма) как в сути своей предпринимательская деятельность; обосновывалось это тем, что предпринимательство – тот вид активности, где более всего распространено (и вообще достижимо) действие в соответствии с собственными целями, то есть оно единственное не может быть несвободным. Верховенство ценности личности поставлено под сомнение неолиберальной концепцией, в соответствии с которой вся жизнь человека есть предпринимательский проект. Представляет ли это собой угрозу личной свободе? Напротив, ставя ее под сомнение, подобная позиция стимулирует индивидуальную активность и, следовательно, возрастание свободы личности.

На уровне анализа универсальных смыслов становится очевидно, что здесь угрозы свободе не формируются и тем более не реализуются. Свобода, безусловно, связана прежде всего с воплощением смысла; универсальный характер смысла делает свободу более фундаментальной за счет более тесной связи с общезначимостью, с самой человеческой природой.

Процессы глобализации, объединяя экономические системы, тенденции культуры и регионы мира, создают общую, генеральную, универсальную линию развития человеческого общества. Свобода и разумность, личная ответственность человека за собственную судьбу, творческое отношение к действительности, взаимодействие с другими субъектами общества, самосознание и самореализация – вот универсальное начало человеческого отношения к миру и самому себе. Воплощение, выявление «подлинно человеческого» является единственным смыслом, который можно обнаружить в истории, а значит, и основной целью всего социального развития, внутренним, сущностным мерилom гуманистического характера прогресса.

В минувшем веке достигнуто согласие в понимании того, что фундаментальными составляющими человеческого качества являются

вытекающие из безусловных свободы и разумности личная ответственность человека за собственную судьбу, творческое отношение к действительности, взаимодействие с другими субъектами общества, самосознание и самореализация. Это универсальное начало человеческого отношения к миру и самому себе в ходе истории реализуется всякий раз в новых условиях и в самых разнообразных формах. Однако именно степень его реализации оказывается главным критерием того, обнаруживается ли прогресс в смене этих форм. Воплощение, выявление «подлинно человеческого» является единственным смыслом, который можно обнаружить в истории, а значит, и основной целью всего социального развития, внутренним, сущностным мерилom гуманистического характера прогресса. Поскольку как формы социальной и внутренней духовной организации людей, так и смыслы их деятельного отношения к реальности на самом деле постоянно усложняются и становятся все более многообразными, сама человеческая природа, как универсальность, эволюционирует в их развитии. Обогащение спектра возможных проявлений человеческого качества составляет телеологическое содержание истории. Процессы глобализации формируют или выявляют смысловые и структурные связи в этом многообразии, подчеркивают именно моменты общего и сущностного, реализуют поиск совместных оснований, то есть апеллируют именно к общезначимому и внутренне-тождественному. Благодаря этому можно интерпретировать глобализацию как эволюцию человеческой универсальности.

Однако разворачивающееся в последние два десятилетия масштабное сопротивление этой общей тенденции развития заставляет задуматься о происхождении и сущности права отмежеваться от глобализации и, вместе с тем, от ценностей и перспектив западной (христианской) цивилизации. Хотя у истоков движения антиглобализма стояли маргинальные слои именно тех западных стран, которые являются основными носителями ценностей глобализации и ее лидерами, в настоящее время «разлом» проходит главным образом между развитыми странами Запада, почти полностью христианского, и странами третьего мира, преимущественно мусульманскими.

Когда почти пятьдесят лет назад впервые был в явном виде поставлен вопрос о праве человека НЕ БЫТЬ свободным, Фромм и другие авторы дали на него однозначный ответ: это право безусловно, фундаментально, без него невозможно собственно право на свободу. Логично заключить, что право на развитие невозможно без права отказаться от развития. Когда и духовные лидеры, и масса населения Афганистана, Ирака, Палестины, многих африканских стран объявляют о несогласии с общими мировыми тенденциями, они фактически реализуют негативный компонент своей свободы. В силу культурно-исторической традиции, идентификации народа, других обладающих инерцией духовных факторов они не ставят задачу сделать социальное развитие более правильным или успешным: они против развития как такового, потому что

оно представляет собой угрозу, разрушительное начало по отношению к тому состоянию, которое было раньше. Эта позиция консервативнее любого самого крайнего консерватизма в европейском понимании, ибо в ней фиксируются не основания и направления развития, а старое качество само по себе. С этой позиции либеральные ценности, которые в ходе глобализации трансплантируются в другие культуры, не несут никакого позитивного, а только лишь негативное значение, потому что если в традиции их не было, значит, их не должно быть. Реализация права на собственное ценностное отношение к жизни более универсальна, чем все распространяемые ценности человеческого развития. В данном аспекте, как мы видим, угроза свободе не только реальна, но и коренится в самой сути свободы.

Наряду с другими явлениями универсальной природы в основе глобализации лежит нравственное сознание. Нравственное сознание формируется на достаточно высокой ступени цивилизационного развития и содержит в себе предельно идеализированную модель отношений отдельного человека к другим людям, обществу, миру в целом. Оно предполагает зрелость личности, способной свободно и сознательно вводить определяемые идеалом внутренние ограничения, следовать принципам, которые диктуются абсолютным, идеальным началом, весьма удаленным от реальности. В самом происхождении нравственности в центре внимания своеобразной духовной сферы оказывается свободный человек, реализуется потребность в выявлении специфических, присущих лишь человеку измерений и характеристик существования, что определяет собой становление высших ценностных ориентиров – идей блага и счастья человека. Нравственность отличает охранительность по отношению к личности, ее духовной автономии. Но если названная функция выполняется также и социально-идеологической регуляцией, в частности правом, то исключительно для нравственности характерно наличие определенного идеального образца поведения, предписательность которого основывается не на внешнем принуждении, а на внутреннем созвучии строю побуждений индивида.

Нравственные ценности отличает имманентная, абсолютная значимость, будь то истина, добро и красота, или справедливость, долг, ответственность, или другие ценности. Исторические формы нравственного сознания есть лишь своеобразные духовно-теоретические проявления глубинной и широкой культурно-цивилизационной потребности одухотворения, гуманизации всех сфер жизнедеятельности человеческого сообщества. В этом смысле нравственность обладает предельной, абсолютной универсальностью, и ее развитие само составляет глобализационный процесс, в согласовании с которым нуждаются процессы экономической и политической глобализации. Ни сословная мораль, ни утилитаристские и прагматические компоненты морального сознания нового и новейшего времени не отрицают этой универсальности, поскольку ее ядро составляют принципы духовной самооценки человека

и идея добра как предпосылка существования и единения общественного целого. Именно предельный универсализм нравственности питает идею гуманизма и обуславливает его генерализованный смысл в общечеловеческой истории.

Ситуация нравственного выбора, в которой оказывается индивид, по сути своей независима от национальных, экономических, политических и других конкретно-исторических условий, поскольку сам по себе выбор задается индивидуальной способностью к различению добра и зла и принятием ответственности за направление своей деятельности. Нравственное сознание воплощает призванность человека к добру, и эта призванность обладает статусом категорической предписательности. Именно в этом коренится императивность нравственности, ее сущностное родство с генерализацией общечеловеческого развития, глобализацией в аутентичном смысле этого слова.

Нравственность обладает предельной, абсолютной универсальностью, и ее развитие само составляет глобализационный процесс, в согласовании с которым нуждаются процессы экономической и политической глобализации. Именно предельный универсализм нравственности питает идею гуманизма и обуславливает его генерализованный смысл в общечеловеческой истории. Выявление и утверждение в процессе глобализации универсальных начал – не угроза, а возрастание свободы.

Мы рассмотрели подробно те тенденции глобализации, которые определяются объективными универсальными основаниями человеческой природы и общества и несут в себе явно выраженную позитивную, гуманистическую направленность. В то же время реальные современные экспансионистские формы более чем настоятельно напоминают нам об угрозе унификации, возможности утратить культурное многообразие и нравственную автономию, о скрытом и явном навязывании обнаженных состояний господства-подчинения. В этом, как и в других отношениях, между абсолютным идеалом и социальной действительностью лежит принципиально незавершаемый путь самосовершенствования, духовного развития. Тем не менее бесконечная отдаленность абсолюта, его практическая недостижимость не уничтожает смысла самого процесса совершенствования. Закрепощающими, бездуховными, деструктивными могут быть формы глобализации, сущность же ее внутренне согласуется с подлинностью человеческого бытия в мире, фундаментальными началами человеческой природы и принципами социального развития. Глобализация, таким образом, не оправдывает по отношению к судьбе человеческой свободы ни пессимизма, ни оптимизма. Среди многочисленных вызовов современной эпохи одно из ключевых – ужесточение необходимости принимать решения и действовать полностью автономно, без поддержки. Очевидно, что это и возрастание свободы, и ее утрата.

Императивность глобализации определяется тем, что называется общечеловеческими ценностями, всемирно-историческими основаниями. Нелепо и невозможно сопротивляться ходу истории и пытаться отменить то, что в основе своей содержит универсальный принцип развития. Но должно и прекрасно стремиться к одухотворению социальной реальности, воплощению ее потенциального многообразия. С глобализацией нужно не воевать, а сотрудничать, внося в ее развертывание подлинность, нормативность, идеальность, формы проявления которой бесконечно разнообразны и являются наилучшим способом преодоления уже проявившихся и ожидаемых угроз. В этом случае глобализация будет не тормозить, а, напротив, способствовать всестороннему раскрытию духовно-культурного потенциала человечества.

В современном обществе весь творческий потенциал, все деятельные силы должны быть направлены на поиск и выработку позитивных форм глобализационных процессов, форм, отвечающих гуманистическому направлению общественного прогресса. Значит, и в многообразных проявлениях свободы акцент переносится с внешней составляющей (необходимость как преодолеваемая реальность) на внутреннюю (универсальные основы идеала). К сожалению, именно здесь коренится и ключевое принуждение – принуждение к автономии, к свободе.

Поскольку по разным аспектам соотношения глобализации и свободы достаточно сильно варьируются, то в целом из вышесказанного можно сделать только весьма абстрактный вывод.

Глобальный мир становится ближе к каждому человеку и одновременно жестче, требовательнее: потребность в личной свободе трансформируется в долг быть свободным. В той мере, что этот долг навязывается индивиду при помощи различных культурных, социально-политических, экономических и других технологий, глобализация разрушает личную свободу человека, противоречит ей по сути. Однако по мере того, как этот долг осознается, понимается и принимается в качестве собственного основания деятельности, перестает быть для человека внешним, а становится внутренним ориентиром, личная свобода обретает новое, более развитое качество.

Как мы видим, существуют основания и для пессимизма, и для оптимизма. Историческая необходимость, разумеется, воплотится в результат; но и каждый из нас на уровне своих социальных возможностей является создателем результата. Человека, как мы говорили, нельзя насильственно сделать свободным. Но и перестать быть свободным он, на наше счастье, тоже не может.